

Дискуссии

КУЛЬТУРА КАК НОВЫЙ ФРОНТИР В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

**Владимир АВТОНОМОВ, Андрей ВОРОБЬЁВ, Павел КОНОНЕНКО,
Данила РАСКОВ, Григорий ТУЛЬЧИНСКИЙ**

Владимир Сергеевич Автономов —
доктор экономических наук, член-корреспондент
РАН, научный руководитель факультета
экономических наук НИУ ВШЭ, заведующий
сектором Национального исследовательского
института мировой экономики и международных
отношений РАН им. Е. М. Примакова
(119049, Москва, ул. Шаболовка, д. 26).
E-mail: vavtonomov@hse.ru

Андрей Станиславович Воробьев —
кандидат экономических наук, доцент
экономического факультета СПбГУ.
E-mail: avorobev@mail.ru

Павел Борисович Кононенко —
старший преподаватель факультета
свободных искусств и наук СПбГУ.
E-mail: p.b.kononenko@gmail.com

Данила Евгеньевич Расков —
кандидат экономических наук,
доцент экономического факультета
и факультета свободных искусств и наук СПбГУ.
E-mail: daniila.raskov@gmail.com

Григорий Львович Тульчинский —
доктор философских наук, профессор,
факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
E-mail: gtul@mail.ru

Санкт-Петербургский Государственный университет
(190000, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7/9).

Аннотация

Отправной точкой для данной статьи явилась новая книга Шурда Бёгельсдейка и Робберта Маселанда «Культура в экономической науке: история, методологические рекомендации и области практического применения» (М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2016). Выход этой книги симптоматичен — в экономической науке после периода долгого игнорирования возвращается интерес к культуре. В последнее время наряду с темами культуры экономистов, корпоративной культуры всё чаще исследуются культурные факторы экономического развития. Данный процесс носит неоднозначный характер. С одной стороны, это весьма прогнозируемое расширение империалистических амбиций экономистов, которые готовы включить в исследования еще несколько параметров в виде индексов и количественных оценок, так или иначе отражающих культуру. С другой — стало понятно, что ряд экономических проблем трудно объяснять и изучать без признания того, что сама экономика является частью общества и культуры. В тексте поднимаются взаимосвязанные вопросы с различных методологических позиций: история экономической мысли, экономическая методология и экономическая теория. В статье показано, что предметные поля культуры и институтов пересекаются, при этом культура в большей степени относится к неформальным институтам. Высказываются предположения, что простого расширения стандартных техник, используемых экономистами, недостаточно. В частности, это касается востребованности и применимости метафоры «культурный капитал». Авторы постулируют необходимость расширения теоретического аппарата и языка экономической науки — взгляд, обещающий новые приключения культуры в экономической теории.

Ключевые слова: экономическая методология, экономика и культура, культура и институты.

JEL: A12, Z1.

Текст подготовлен на основе обсуждения книги [Бёгельсдейк, Маселанд, 2016], проходившего 26 февраля 2016 года в рамках семинара «Экономика и культура» Центра исследований экономической культуры СПбГУ.

Автономов В. С. Предмет нашего обсуждения — текст только что изданной книги «Культура в экономической науке: история, методологические рекомендации и области практического применения». В ней речь идет не об экономике отраслей культуры (этому были посвящены несколько недавно вышедших книг, назову, в частности, работу австралийского экономиста [Тросби, 2013]), а в широком смысле — об экономической науке, включающей в себя культуру. Мы с дочерью, переводчицей книги, долго думали над тем, как же перевести простые слова «cultural economics». Сказать «культурная экономика», конечно, можно, но получается, что любая другая экономика — некультурная, что вроде бы обидно. Тогда решили выбрать такой обходной маневр: сказать «экономическая наука, включающая культуру», или «обогащенная культурой». Можно подобрать еще какой-нибудь эпитет, но так или иначе речь идет о широких взаимодействиях экономической науки в целом с культурой в целом.

Наша страна, можно сказать, выстрадала такой подход. Если рассматривать последовательность тем, на которые обращали внимание экономисты в годы рыночных реформ, то получится следующее: сначала макростабилизация, потом вскоре приватизация, потом, когда с реформами не очень заладилось, — институты. Готовых институтов рыночной экономики в России не было, их пришлось импортировать. Однако вскоре выяснилось, что импортированные институты плохо работают. Все мы знаем такие институты, как, скажем, закон о банкротстве, по которому ни одного банкротства не было; институт вроде был, но не работал. И вот тогда внимание обратилось на культуру, то есть на то, что стоит за институтами, легитимизирует их, без чего они не приживаются. Мы можем проследить эту эволюцию внимания как по ежегодным докладам Всемирного банка, так и, например, по докладам научного руководителя НИУ ВШЭ Евгения Григорьевича Ясина на наших ежегодных апрельских конференциях. Он проделал такое же движение от макростабилизации через институты к культуре и в последние годы занимается этим всерьез [Ясин, 2014].

Книга голландских авторов Шурда Бёгельсдейка и Робберта Маселанда — это своего рода справочник по использованию культуры в экономической науке. Там есть многое: история, методология, проблемы измерения, проблемы приложения. Ее смело можно рекомендовать людям, которые захотят, — может, даже без какой-либо предварительной подготовки, — понять, в какой мере экономисты продвинулись в освоении культурных факторов, что они могут измерить, о чем они спорят и т. д. Это очень хороший путеводитель по культуре для экономистов — таков жанр этой книги. В исторической главе повествуется о том, что во времена Адама Смита культура в экономической науке присутствовала, а немецкая историческая школа сильно способствовала тому, чтобы ее там было много, но наступила

маржиналистская революция, и экономическая наука от многого отказалась, в том числе, как мы знаем, от истории и от культуры. Экономическая наука стала более формальной, более абстрактной, и теперь речь идет о возрождении в ее рамках интереса к культуре.

Здесь встает один вопрос, который я бы хотел особо подчеркнуть, — институты или культура? Каждое из этих понятий имеет различные определения. Иногда институты определяются так, что они включают и формальные, и неформальные институты, в последние входит и культура. Тогда соотношение между ними получается как у части с целым или наоборот. Мне кажется, что яснее можно представить проблему, если под институтами иметь в виду только формальные, а под культурой — неформальные институты. Здесь проявляются крайности в подходах.

Одна крайность — это культурный детерминизм, когда считается, что всё зависит от культуры, от волшебных слов «культурный код», который заложен где-то в генах, в хромосомах разных народов и разных стран, и идти против него — гиблое дело: никакие институты не приживутся, никакая экономическая система, которая этим кодом не одобряется, работать не будет. Из людей, которые активно отставили такую позицию, я могу назвать покойного академика Дмитрия Семёновича Львова [Львов, 2000]. И сейчас появляются статьи, отстаивающие некий культурный детерминизм. Есть достаточно убедительные, на мой взгляд, примеры, обосновывающие такой подход, — возьмем хотя бы страны восточного и западного христианства. В них одни и те же институты развиваются по-разному. Даже в рамках ЕС одно дело — Греция и Болгария с Румынией, а другое — Венгрия и Хорватия.

Противоположную точку зрения можно назвать культурным скептицизмом. Наиболее яркий ее представитель — Виталий Леонидович Тамбовцев. Недавно вышла его статья с весьма обоснованной критикой культурных кодов [Тамбовцев, 2015]. В ней автор выступает против абсолютизации культуры, представления ее в виде эксклюзивного фактора экономического развития. И опять можно привести много убедительных примеров: Корея Южная и Северная, ФРГ и ГДР. Немецкий и корейский народы жили и живут в этих странах совершенно по-разному, и институты здесь, конечно, играют важную роль. Первой зарубежной страной, которую я когда-то посетил, была ГДР. Помню, какой культурный шок я испытал, когда попал туда из СССР. Было это в 1974 году. Жизнь в ней была абсолютно другая, хоть это и была социалистическая страна. Разница культур чувствовалась во всем. Мне повезло: приятель-немец, который меня пригласил, отправил меня «в турне» по своим родственникам по всей ГДР. Они были верующими католиками, и я познакомился с жизнью, которая идет по церковным часам. Вот вам и социализм!

Примеры и аргументы можно найти и за детерминизм, и за скептицизм. Япония — страна специфичная, никто, наверное, с этим спо-

речь не будет: контракты пожизненного найма на рынке труда, строение финансового рынка, договоры между предприятиями не такие, как на Западе. Было время, когда специалисты по менеджменту призывали американские корпорации внедрять японский опыт: вводить поставки *just in time* и петь корпоративные гимны. А в 1920-е годы посещавшие Японию западные исследователи описывали ее как страну, в которой никогда не будет возможным экономическое развитие из-за культурной отсталости и безграничной коррупции. Это заставляет еще раз задуматься над соотношением культуры и институтов.

Понятно, что экономисты стремятся свести всё к институтам, так как последние для них более понятны, отчасти уже даже относятся к мейнстриму. Поэтому при осмыслении культуры экономистам приятнее использовать факторы из институциональной экономики и из экономической теории. В качестве примера приведу диссертацию под названием «Культурный капитал как фактор транзакционных издержек» Елены Никишиной из МГУ, которой я оппонировал. Хорошая диссертация и показательная по части того, как экономисты пытаются освоить культурную вселенную, упаковав ее в экономические и институциональные категории (см. также: [Никишина, 2016]). В этой работе автор при некоторых оговорках употребляет понятия культуры и культурного капитала как синонимы. Это для экономистов привычнее и сподручнее, но, на мой взгляд, это опасное преувеличение. Все-таки капитал — метафора, но метафора не резиновая, не надо ее растягивать, чтобы она стала охватывать всё что угодно.

С человеческим капиталом дело обстоит проще. Инвестиции есть, амортизация есть, метафора работает. С социальным капиталом уже не так просто. Во-первых, что это за капитал и кто им владеет? Страна? Как она туда инвестирует, что в нем изнашивается? Сказать трудно. С культурным капиталом тоже не всё ясно. Например, Никишина в своей работе дает интересное описание инвестиций в культурный капитал. Инвестиции на макроуровне в культурный капитал она считает идеологией государства. Если есть у государства идеология, скажем, социалистическая, тогда есть и некие инвестиции в культурный капитал страны. На микроуровне этими инвестициями являются вложения в корпоративную культуру. Наверное, с этим можно согласиться. Но с амортизацией возникают проблемы. В диссертации она описывается так: приехали мигранты, разводнили наш культурный капитал — вот и амортизация. Но это же не изнашивание самого капитала, это что-то экзогенное. Мне кажется, здесь метафора уже чересчур произвольна.

Что же следует из всех этих рассуждений? На мой взгляд, возможны оба измерения: институциональное и культурное. Не обязательно одно исключает другое, мы можем посмотреть на наш объект — общество — и с точки зрения институтов, и с точки зрения культуры, и может быть,

при таком рассмотрении у нас появится объемный взгляд. Когда экономисты и менеджеры поняли, что *культура имеет значение*, они громко заявили об этом. Вышла знаменитая одноименная книга под редакцией Лоуренса Харрисона и Самуэля Хантингтона [Харрисон, Хантингтон, 2002], а далее пошли исследования того, какое же значение имеет культура и как его можно измерить. Опыт измерения описан в обсуждаемой нами сегодня книге чрезвычайно вьедливо и подробно, начиная с Гирта Хофстеде, Рональда Инглхарта и Шалом Шварца¹. Приведенные результаты квантификации культурных переменных не очень убеждают. Можно найти десятки эконометрических уравнений, которые говорят, что культурные переменные работают, и десятки, согласно которым они не работают. Это вполне обычная ситуация.

Примерно то же самое было с введением в экономический анализ психологических переменных. Когда Джордж Катона придумал индексы потребительских настроений, их тоже пытались вставлять в эконометрические уравнения. Иногда работало, иногда нет. Потом решили аппроксимировать индекс потребительских настроений с помощью каких-то объективных переменных, а потом эти объективные переменные подставить в уравнение и не заморачиваться никакими субъективными индексами. Но при этом что-то важное пропало. Та суть, ради которой эти психологические переменные вводились, куда-то растворилась. И Катона придумал свой специфический способ исследования и употребления этих индексов. Он просто стал рисовать их графики, и оказалось, что эти графики как лидирующие индикаторы помогали предсказывать цикл. Мне кажется, что в случае с культурными переменными тоже надо искать какой-то «асимметричный» путь их учета, необязательно такой же, как у объективных экономических показателей. Меня в этом убедили авторы книги. Может быть, основным методом могут быть просто *case studies* каких-то конкретных проблем, а не полное приравнение культурных переменных к переменным экономическим.

Я уже упоминал, что на культуру первыми начали смотреть менеджеры, и они продолжают смотреть на нее гораздо пристальнее, чем экономисты. Вспомним книгу — бестселлер «Оседлав волны культуры» [Trompenaars, Hampden-Turner, 2012]. Это пособие по глобальному бизнесу, которое учитывает эти самые культурные различия. Такие книги исключительно популярны во всех бизнес-школах, во всех местах, где повышают подготовку предпринимателей и менеджеров. Никакой теории здесь нет: есть проценты опрошенных в разных странах, отвечающих на одинаковые вопросы, и всё. У экономистов основного направления принята другая степень абстракции, и поэтому найти в экономике место культурным факторам, на мой взгляд, труднее. Кстати,

¹ См., в частности: [Инглхарт, Вельцель, 2011].

в книге «Культура в экономической науке» главы о приложениях посвящены именно менеджменту («Предпринимательство», «Доверие», «Международный бизнес», «Корпоративное управление»). Еще один интересный факт: среди исследователей менеджмента с культурной точки зрения было много голландцев. Герт Хофстеде, Барт Ноотебоом [Nooteboom, 2002], Фонс Тромпенаарс, а также Шурд Бёгельсдейк и Робберт Маселанд, книгу которых мы сегодня обсуждаем, были теоретиками менеджмента и культуры в менеджменте. Наверное, это не случайно. Я знаком с многими голландцами, и они мне говорили: «Голландцы — это одновременно священники и торговцы». Голландец объединяет в себе эти две субличности. Он хочет торговать, он умеет торговать. Адам Смит в свое время ставил в пример англичанам голландцев как людей, которые рационально рассуждают, умеют торговать и при этом апеллируют к этике, к психологическим и культурным факторам. Мне кажется не случайным и то, что Европейское исследование ценностей стартовало в Тилбургском университете.

Теперь немного подробнее про саму книгу. Это не проблемная монография. Это handbook, который подытоживает и систематизирует развитие определенной области исследований. Книга удобна для студентов, советую использовать ее для занятий. Есть очень толковые введения и заключения к отдельным главам, есть исторический очерк, есть глубокий обзор методологических проблем, начиная с определения понятия «культура». Целая глава посвящена методологическим проблемам, рассматриваются противоречия между методологическим индивидуализмом, который принят в экономической науке, и коллективной природой культуры во всех ее проявлениях. С этим связаны рискованные переходы аргументации с микроуровня на макроуровень и наоборот. Важная методологическая проблема — это точка отсчета для наблюдателя. Естественно, когда мы смотрим на культуру — на голландскую, на японскую, на любую, — мы исходим из русской, и с этим ничего не сделать. Исходная точка — это наша культура, и поэтому возникает проблема. Не случайно авторы принадлежат к двум культурам — голландской и английской. Близко, но не одно и то же, и поэтому стереоскопический эффект достигается. В книги подробно описаны источники данных, с помощью которых можно аппроксимировать влияние культуры. Авторы очень тщательно и аккуратно делают свое дело; они, конечно, энтузиасты рассмотрения культуры в экономической науке, но ни на одну связанную с этим трудность не закрывают глаза, поэтому я считаю, что эта книга очень полезна тем, кто хочет получить сбалансированную точку зрения на проблему реинтеграции экономической науки и культуры.

Тулчинский Г.Л. Книга «Культура в экономической науке» — это своеобразный гид, которым можно пользоваться вдоль, поперек, по диагонали, фрагментами, читать определенные страницы. Аппарат просто

великолепный: не только список литературы на пятидесяти страницах, но и указатель, правда, смешанный, имен и понятий. Наверное, это смешение — единственный недостаток: указатели имен и терминов стоило разделить. А так мы имеем полный и исчерпывающий справочник, и можно только позавидовать студентам, которые будут им пользоваться. В основном тексте идет тщательная и детальная проработка по всем концептам. Именно поэтому для меня это был праздник души — такая аналитика давно напрашивалась, и вот она сделана, и сделана добротнo.

Выскажу несколько соображений. Владимир Сергеевич, начав с позднего советского периода, потом все эти пертурбации — позднесоветские, перестроечные и последующие — связал с крайностями экономического детерминизма, рассматривающего культуру как нечто вторичное. В общем-то это так, но в 1981 году я оказался свидетелем одного очень показательного случая. Я тогда работал на кафедре управления и экономики в Институте культуры. К нам неожиданно пришел Иван Михайлович Сыроежин — один из младших друзей Леонида Витальевича Канторовича, человек, который создал кафедру экономической кибернетики в Финансово-экономическом институте. Он был консультантом ЦК КПСС по вопросам экономики и выполнял заказ ЦК по разработке математизированной модели общественно-экономической формации — социализма. И он как честный исследователь-разработчик столкнулся с проблемой, с которой не справился в свое время сам Карл Маркс, пятнадцать лет пытавшийся создать политэкономию социализма. Иван Михайлович пришел к следующему выводу: поскольку речь идет об управляемом обществе, возникает вопрос об управлении потребностями, а значит, культура — это не отрасль, а нечто большее — пресуппозиция, которая выносится за скобки в качестве фактора, сказывающегося на всех отраслях экономики. Он хотел обсудить эту тему у нас на кафедре. Для него этот разговор был очень важен, он принес не только тезисы, которые я храню до сих пор, но и диктофон для записи обсуждения. Иван Михайлович выступил, мы договорились о сотрудничестве кафедр, но из-за болезни ему оставалось лишь полтора года жизни. Я рассказал об этом к тому, что честные экономисты к теме культуры приходили и раньше. Показательно то, что такое переключение внимания произошло и там, и тут, в одно время. Видимо, сработал какой-то цивилизационный фактор. Мое добавление — некая дань памяти Ивана Михайловича и исторической справедливости. Важно понять, что тема «Культура и экономика» — тема серьезная, давняя, а не просто мода.

Что касается содержания книги, то первая часть просто замечательная. Я бы сказал, что это такое приключение культуры в экономической теории. Со всех сторон рассмотрено, какие приключения были, что происходило, кто и что говорил. Очень честно, очень содержательно — абсолютно полный реферат. Единственное, к чему

можно придаться, так это к тому, что там нет упоминания Ричарда Льюиса с его межкультурными деловыми коммуникациями [Lewis, 2012], а его работа — очень важная и плодотворная, хорошо операционализированная систематизация, учет которой был бы очень уместен, — я потом еще скажу почему. А так практически во всех разделах обзора акцент делается на типологию Гирта Хофстеде [Hofstede, 1980; 1991], пройти мимо которой невозможно. Другие типологии, включая типологии Шаломы Шварца и большинство других, были уже вторичны. Подробно рассматривается и учитывается в обзоре и концепция Рональда Инглхарта [Инглхарт, Вельцель, 2011], который, кстати, никогда не скрывал свои марксистские корни: его концепция человеческого развития от ценностей выживания к постматериалистическим ценностям свободной самореализации вполне укладывается в марксистскую концепцию.

Словом, обсуждаемая книга — это очень показательный и поучительный текст не только для студентов, но и для специалистов. Почему? Потому что это рефлексия маргиналистской точки зрения на то, с чем она сталкивается и никак не может объехать, пытаясь заехать с разных сторон: то ли культура в экономику, то ли экономика в культуру, то ли они пересекаются. И кто главнее — экономика или культура, или их можно объединить... Некая одновременно и радость, и печаль узнавания фактора культуры и его важности для экономики. Радость того, что это имеет значение, а печаль в том, как это поймать: и такой сеткой не ловится, и другой, и приходится буквально удочкой ловить. А главное — осознанные пределы маржинализма и индивидуалистского понимания целерациональности, понимание того, что цели тоже определяются на какой-то шкале ценностей, и поэтому их, ценности, надо тоже как-то учитывать. Я бы сказал, что мы имеем дело с маркером границ маржинализма в постиндустриальную эпоху, когда ранее доказавшая свои возможности теория не может что-то объяснить. В этой связи мне приходит в голову образ, который использовал философ Иосиф Нусимович Бродский: когда у нас язык целых положительных чисел, мы легко описываем ситуацию с целыми яблоками, но когда мы сталкиваемся с половинками яблок, дольками, то получается парадокс — то ли яблоки есть, то ли их нет. И осознаётся необходимость расширения языка, расширения горизонта рассмотрения, введения дробей и т. д. Всякие такие не улавливаемые языком парадоксальные вещи — свидетельства как раз того, что данная теория, данный язык пришли к какому-то пределу, и нужно их расширять.

В этом плане книга — удивительно показательный текст, поскольку все рассмотренные в ней концепции показывают именно необходимость расширения теоретического аппарата экономики. Кстати, институционализм был первой ласточкой необходимого расширения — почти буквально по Имре Лакатосу: сначала для пре-

одоления противоречий придумываются концепции *ad hoc*. Таким *ad hoc*-концептом в экономике и стал институционализм: согласно Дугласу Норту, общество неограниченного доступа — это вывих в истории, который противоречит общему историческому тренду обществ ограниченного доступа [Норт и др., 2011]. Типичный *ad hoc* применительно к случаю, к западной цивилизации — уникальный исторический опыт, который развернулся таким образом (к слову, из той же Голландии).

Замечательно также, что в книге голландских авторов культура не сводится к нравственности. Кстати, упоминавшийся ранее Евгений Григорьевич Ясин проделал за последние годы удивительно показательную эволюцию, которую можно проследить по его пленарным докладам, открывающим каждую апрельскую конференцию НИУ ВШЭ. Сначала главную проблему экономического развития России он видел в производительности труда, затем — в развитии институтов, потом — в культуре. А в последнем докладе прошлого года он пришел к выводу о том, что у нас и институты есть, и с культурой вроде бы всё понятно, а главная проблема в России — менталитет. Когда экономисты приходят к менталитету — это уже серьезный сигнал. В понимании культуры я сошлюсь на Юрия Михайловича Лотмана, которому принадлежит, на мой взгляд, гениальное определение культуры как *внегенетического способа наследования информации о поведении*. Человечество умудрилось вынести этот код за пределы генотипа, преобразуя натуру в культуру. Поэтому культуру можно понимать как механизм, систему порождения, отбора, сохранения и трансляции социального опыта. И тогда становится понятно, что экономика как очень важная часть этого опыта, конечно же, с культурой идут бок о бок, и должны идти, и с самого начала шли. Адам Смит по образованию был филолог, и он рассматривал рынки как способ коммуникации. Да и Карл Маркс использовал три термина: *der Wert* (ценность), *das Wertding* (ценностная вещь) и *die Wertgegenstandlichkeit* (ценностная предметность). Маркс был философ, и непростой. Но по решению Института марксизма и ленинизма 1927 года все эти термины переводятся на русский язык одним словом — «стоимость», что увело от культуры и ценностей, а тем самым — и от истоков экономической теории. И речь в наши дни должна идти не просто о возврате к этим истокам, но и об осмыслении пройденного пути.

Так, например, в представленной книге появляется понимание того, что Макс Вебер описал как частный случай в работе «Протестантская этика и дух капитализма» [Вебер, 2006], написанной в пику «Капиталу» Маркса. Речь идет о роли протестантских сообществ в капиталистической модернизации Нового времени, когда некий клан, микросоциум, оказываясь в чуждой и враждебной культуральной среде, чтобы выжить и сохраниться, вынужден активно заниматься хозяйственной деятель-

ностью. Этот общий, не столько религиозный, сколько именно культуральный фактор объясняет также историю еврейской и армянской диаспор, когда сельскохозяйственные этносы выдавливались в коммерческую деятельность. Этот же общий фактор объясняет капиталистическую модернизацию в Японии. В этой же связи становится понятной и главная проблема российской модернизации — отсутствие такого кланово-культурального моторчика. Вот и получается, что модернизацию в нашей стране делают те субкультурально мобилизованные сообщества, которые в ней есть. Но это уже отдельная тема. Я лишь обращаю внимание на то, что описанная Вебером роль протестантизма — это лишь частный случай действия общего механизма.

Всё это ни в коем случае не умаляет статуса экономики как универсальной науки. Я только хотел бы высказаться относительно упомянутого «соотношения формальных и неформальных институтов». Не думаю, что их надо разводить и противопоставлять. Обращаю внимание, что есть очень простая модель [Тулчинский, 2013], дополняющая ценностную ось в духе Инглхарта осью нормативной, в которой неформальные и формальные институты предстают стадиями институционализации.

И такие стадии формализации проходит любой бизнес, дисциплина, теория, концепция. В этом плане Стивен Тулмин [Тулмин, 1984] был прав, когда говорил, что в любом понятии заложен зародыш исследовательского института или лаборатории, а в любом институте, в любой лаборатории институализирована некая идея, понятие. Важно, что ключевую роль в процессе институционализации играет коммуникация, и в этом плане идеи Льюиса, идеи Юргена Хабермаса [Хабермас, 2000; 2005], идеи Александра Барда [Бард, Зодерквист, 2004] просто совпадают в понимании связи культуры и экономики, роли коммуникации в этой связи.

Автономов В. С. Вопрос, чем вызван интерес к культуре. Одна из причин — это возрождение конфликта цивилизаций. Мир пошел не по Фукуяме и не к Швеции и США, а к какому-то столкновению цивилизаций, культур, в том числе в Европе, где мы наблюдаем коллизии с беженцами. Это способствовало привлечению дополнительного внимания к таким вопросам. Вопросы культуры сложные, и мне кажется, в этой области довольно опасно идти от определений. Хорошо бы, они, определения, возникали в результате исследования, когда мы что-то поняли и это как-то назвали. А когда мы что-то назвали и ищем, где оно в реальности существует, — это непродуктивный способ, это ловушка, в которую часто попадают исследователи.

Воробьёв А. С. Хочу прокомментировать исторические и методологические аспекты изучения культуры экономистами, поэтому остановлюсь на историко-методологическом аспекте изучаемой проблемы. Во многих частях книги обсуждается вопрос, связанный

с противоречием между коллективным характером культуры и индивидуальным выбором, который характерен для экономической деятельности (во всяком случае, с позиций методологического индивидуализма, являющегося ядром мейнстрима). Эта проблема ставится изначально, исследуется при рассмотрении определений культуры и истории взаимоотношений культуры и экономики. Мне бы хотелось обратить внимание на следующий сюжет. Авторы утверждают, что культура исчезла из экономической науки благодаря усилиям Макса Вебера, который рациональное оставил за экономикой, а всё остальное предоставил социологам и представителям других социальных наук. Однако суть этого противоречия хорошо отражена в емком и содержательном определении культуры самого Вебера: культура — это конечная вещь в мировой бесконечности, которая для человека имеет значение. Очевидно, что здесь Вебер отталкивается от индивидуального сознания индивида и сквозь призму этого сознания определяет культуру. Возвращаясь к проблеме взаимодействия экономики и культуры, мы получаем методологическую развилку: как включить культуру в экономический анализ. Это можно сделать с позиций экономического империализма, отталкиваясь от индивидуального. Вероятно, есть другой путь — включать в основной корпус экономических знаний сюжеты и теоретические конструкции из институциональной экономики. В этом смысле мне представляется, что понятие доверия очень удачно описывается взаимосвязью между неформальным институтом и экономическим развитием. В любом случае, пришло время серьезнее проработать методологический вопрос о том, по какому пути двигаться, чтобы эффективно и разумно имплантировать культурный контекст в экономическую науку.

Кононенко П. Б. У меня вопрос со стороны политической науки, в которой тоже есть своя традиция обсуждения культуры, культуры политической. Осуществление власти и борьба за нее всегда обусловлены институтами, и у граждан, и у власти есть некий спектр допустимых отношений друг к другу, есть некая политическая культура. Например, политики в чем-то лгут населению, в чем-то — нет, в каких-то странах делают это чаще, а в каких-то — реже. Как мы можем это объяснить? С периодичностью в два-три года один из ведущих политических журналов выпускает статью или даже специальный номер, в котором понятие политической культуры фундаментально проблематизируется. Есть публикации, авторы которых просто подсчитывают количество актуальных подходов к определению политической культуры, систематизируют и классифицируют многочисленные исследования, в которых политическая культура была источником совершенно разных зависимых и независимых переменных. Возможных взглядов на политическую культуру много: от «остаточная переменная» и «если мы чего-то не понимаем в политической системе, то называем это по-

литической культурой» до «понятия, объединяющего и потенциально включающего в себя всю политическую науку». И если за такими публикациями, подводящими промежуточную черту под дебатами об одном из фундаментальных понятий дисциплины, внимательно следить, то создается впечатление, что вопрос о политике и культуре, экономике и культуре — это вопрос о курице и яйце. За любым институтом будет культура, а культуру можно рассмотреть как результат работы институтов, которые появились в определенной культуре, и т. д. Как правило, процесс семинарского обсуждения этой темы заканчивается именно этим — студенты убеждаются в рекурсивности проблемы. Но лично я предпочитаю говорить студентам следующее: если они верят, что культура — это то, что объясняет, что является фундаментом и причиной, то никакого стимула идти в политологи или экономисты у них нет. Ведь культура — это нечто длительное, нечто устойчивое, трансформирующееся в течение столетий, а иначе мы бы спокойно описывали ее в терминах ситуативных предпочтений, интересов и конкретных институтов. Но тогда получается, что, став политологами или экономистами, студенты ничего не изменят. И наоборот, если они верят, что реформированием институтов можно почти всё изменить, что мешающие нам жить проблемы при всей их масштабности и серьезности имеют решение, тогда им имеет смысл искать это решение, проводя исследования, или применять находки других, работая по специальности. Собственно, мой вопрос именно об этом. Когда возникло желание перевести эту книгу и сделать ее более доступной для российского читателя, какая перспектива преобладала? Был ли это пессимизм и книга является попыткой сказать, что ничего у нас не получится, так как «культура у нас такая»? Или взгляд более оптимистичный и книга, вовлекая читателя в размышления о фундаментальном характере текущих экономических проблем, тем не менее подводит его к мысли о необходимости поиска конкретных инструментов и решений?

Расков Д. Е. Интерес к культуре среди экономистов очевиден. Большие ожидания связаны с заменой «институциональной» парадигмы на «культурную». На наших глазах произошло смещение акцента с проблемы институтов на проблему культуры. Точнее сказать, область институтов оказалась интегрирована в корпус экономических знаний и новый фронт — культура — стал новой загадочной областью, требующей дополнительных усилий по изучению, а пока представляющей собой *terra incognita*. Подобно тому как нет консенсуса относительно понятия институтов (правила игры, организации, результат игры, формальные/неформальные), в еще меньшей степени это справедливо в отношении культуры. Примером культурных различий является разный тип экономического развития севера и юга Италии. Налицо сохраняющиеся различия, а также разница в истори-

ческом развитии институтов, в ценностях, способе устройства жизни. Пример различия севера и юга Италии стал центральным в вопросе изучения социального капитала. Однако данное устойчивое различие может быть объяснено также через культуру свободных городов средневековья, которая была характерна для северных городов — Милана, Турина, Венеции, Генуи. Напротив, Салерно, Палермо, Бриндизи или Таранто не имели такого опыта. В ведущих экономических журналах появляются обзорные статьи, которые представляют уже накопленный опыт экономического изучения культуры и институтов, к примеру [Alesina, Giuliano, 2015]. Экономисты, естественно, в силу доминирующего метода пытаются скорее измерить, чем понять культурные различия между регионами, странами, историческими эпохами. Инвариантами культуры становятся грамотность, доверие, предпринимательская активность, ценности и убеждения, семейные связи, отношение к работе, восприятие бедности и многое другое. В этом помогают опросы, рейтинги, сконструированные показатели.

Книга «Культура в экономической науке» — яркий и хороший пример тонкого балансирования между желанием инструментализировать, придать форму модели и посчитать, с одной стороны, и качественным пониманием сложного, междисциплинарного вопроса роли культуры в экономике — с другой. То есть книга не только экономическая, но и социологическая, управленческая. Следует добавить и предостеречь, что изучение культуры с экономической точки зрения требует гораздо больших компетенций и незаурядных способностей, чтобы не свести всё к набору тривиальностей или искусных, но от этого не менее бессмысленных эконометрических нагромождений.

Автономов В. С. Павел Борисович спросил, с какой презумпцией мы приняли решение о переводе книги: оптимистической или пессимистической. Как научный редактор могу сказать, что мне в этой книге понравился трезвый и, насколько возможно, объективный взгляд на проблему. Я думаю, что, прочтя эту книгу, люди всерьез задумаются, прежде чем сказать, что Россия — нормальная страна, как всякая другая, или что с нашей культурой нам ничего не светит.

Литература

1. *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2004.
2. *Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р.* Культура в экономической науке: история, методологические рекомендации и области практического применения / пер. с англ. Н. В. Автономовой; под науч. ред. В. С. Автономова. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Международные отношения; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2016.
3. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.

4. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.
5. *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу: Антология* / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
6. *Львов Д. С.* Свободная экономика России: взгляд в XXI век. М.: Экономика, 2000.
7. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
8. *Никишина Е. Н.* Воздействие социокультурных факторов на транзакционные издержки и конкурентные преимущества общества // *Экономическая политика*. 2016. № 1. С. 105–120.
9. *Расков Д. Е., Погребняк А. А.* Экономика как культура // *Общественные науки и современность*. 2013. № 2. С. 96–106.
10. *Тамбовцев В. Л.* Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях // *Вопросы экономики*. 2015. № 12. С. 1–22.
11. *Тросби Д.* Экономика и культура. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2013.
12. *Тулмин С.* Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984.
13. *Тулчинский Г. Л.* Политическая культура на осях ценностно-нормативной модели социогенеза // *Философские науки*. 2013. № 1. С. 24–38.
14. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.
15. *Хабермас Ю.* Политические работы. М.: Праксис, 2005.
16. *Ясин Е. Г.* Влияние культуры на модернизацию России: доклад к XV апрельской Междунар. конф. по проблемам развития экономики и общества. 1–4 апреля 2014 г. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014.
17. *Alesina A., Giuliano P.* Culture and Institutions // *Journal of Economic Literature*. 2015. Dec. P. 898–944.
18. *Hofstede G.* Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1980.
19. *Hofstede G.* Cultures and Organizations: Software of the Mind, Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival. Maidenhead, McGraw-Hill, 1991.
20. *Lewis R. D.* When Cultures Collide. Leading Across Cultures. Boston-L.: Nicholas Brealy Intern., 2012.
21. *Nooteboom B.* Trust: Forms, Foundations, Functions, Failures and Figures. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2002.
22. *Tabellini G.* Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe // *Journal of the European Economic Association*. 2010. June. P. 677–716.
23. *Trompenaars F., Hampden-Turner C.* Riding the Waves of Culture. Understanding Diversity in Global Business. 3^d ed. Boston-L.: Nicholas Brealey Publishing, 2012.

Vladimir S. AVTONOMOV, Dr. Sci. (Econ.). National Research University Higher School of Economics (26, Shabolovka ul., Moscow, 119049, Russian Federation).

E-mail: vavtonomov@hse.ru

Andrei S. VOROBYEV, Cand. Sci. (Econ.). Saint Petersburg State University (7/9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 190000, Russian Federation).

E-mail: avorobev@mail.ru

Pavel B. KONONENKO, Saint Petersburg State University (7/9, Universitetskaia nab., Saint Petersburg, 190000, Russian Federation).
E-mail: p.b.kononenko@gmail.com

Danila E. RASKOV, Cand. Sci. (Econ.). Saint Petersburg State University (7/9, Universitetskaia nab., Saint Petersburg, 190000, Russian Federation).
E-mail: danila.raskov@gmail.com

Grigorii L. TULCHINSKII, Dr. Sci. (Philos.). Saint Petersburg State University (7/9, Universitetskaia nab., Saint Petersburg, 190000, Russian Federation).
E-mail: gtul@mail.ru

Culture as the New Frontier of Economics

Abstract

The starting point for this article is the new book by Sjoerd Beugelsdijk and Robbert Maseland "Culture in Economics: History, Methodological Reflections and Contemporary Applications". This book reflects a certain symptom in economics: interest in culture returns to this discipline after a long period of neglect. Currently, such topics as the culture of economists, the corporate culture and the study of cultural factors in economic development are attracting interest. However, this process is ambiguous. On the one hand, this is a very predictable expansion of imperialist ambitions of economists who are ready to include various new factors that somehow reflect culture in their studies. On the other hand, regarding a number of issues, any explanation and research are impossible without understanding that economy itself is a part of society and culture ("embeddedness" and reversed causality problems). The article shows that subject fields of culture and institutions intersect, though culture is more concerned with informal institutions. The authors make an assumption that a simple expansion of standard techniques used by economists is clearly not enough. In particular, the metaphor of cultural capital is hardly justified and cannot be regarded as an heuristic metaphor and, therefore, compared with human capital. Any in-depth and concrete research "falls through" into culture. In order to conduct a research at the new stage, it is necessary to expand the theoretical apparatus and the language of the economics: we need a new three-dimensional stereoscopic view promising new adventures of culture in the economic theory.

Keywords: economic methodology, economics and culture, culture and institutions.

JEL: A12, Z1.

References

1. Bard A., Zoderkvist Ia. *Netokratiia. Novaia praviashchaia elita i zhizn' posle kapitalizma* [Netokratia: The New Ruling Elite and Life after Capitalism]. SPb., Stokgol'mskaia shkola ekonomiki, 2004.
2. Beugelsdijk S., Maseland R. *Kul'tura v ekonomicheskoi nauke: istoriia, metodologicheskie rekomendatsii i oblasti prakticheskogo primeneniia* [Culture in Economics: History, Methodological Reflections and Contemporary Applications]. Moscow, SPb., Iz-vo Instituta Gaidara, Mezhdunarodnye otnosheniia, Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2016.
3. Weber M. *Protestantskaia etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, 2006.
4. Inglehart R., Welzel Ch. *Modernizatsiia, kul'turnye izmeneniia i demokratiia* [Modernization, Cultural Change and Democracy]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011.

5. Harrison L., Huntington S. (eds.). *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obshchestvennomu progressu [Culture Matters. How Values Shape Human Progress]*. Moscow, Moskovskaia shkola politicheskikh issledovani, 2002.
6. L'vov D. S. *Svobodnaia ekonomika Rossii: vzgliad v XXI vek [Free Economy of Russia: A Glimpse into the 21st Century]*. Moscow, Ekonomika, 2000.
7. North D., Wallis D., Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye poriadki [Violence and Social Order]*. Moscow, Iz-vo Instituta Gaidara, 2011.
8. Nikishina E. N. Vozdeistvie sotsiokul'turnykh faktorov na transaktsionnye izderzhki i konkurentnye preimushchestva obshchestva [The Influence of Social and Cultural Factors on Transaction Costs and Comparative Advantages of the Society]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2016, no. 1, pp. 105-120.
9. Raskov D. E., Pogrebniak A. A. *Ekonomika kak kul'tura [Economics as a Culture]*. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]*, 2013, no. 2, pp. 96-106.
10. Tambovtsev V. L. Mif o «kul'turnom kode» v ekonomicheskikh issledovaniakh [The Myth of the “Cultural Code” in Economic Research]. *Voprosy ekonomiki*, 2015, no. 12, pp. 1-22.
11. Throsby D. *Ekonomika i kul'tura [Economy and Culture]*. Moscow, Izd. dom NIU HSE, 2013.
12. Tulmin S. *Chelovecheskoe ponimanie [Human Understanding]*. Moscow, Progress, 1984.
13. Tulchinskii G. L. *Politicheskaiia kul'tura na osiakh tsennostno-normativnoi modeli sotsiogeneza. [Political Culture on the Axes of Normative Value Models of Sociogenesis]*. *Filosofskie nauki [Philosophical Sciences]*, 2013, no. 1, pp. 24-38.
14. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie [Moral Mind and Communicative Action]*. SPb., Nauka, 2000.
15. Habermas J. *Politicheskie raboty [Political Works]*. Moscow, Praxis, 2005.
16. Iasin E. G. *Vliianie kul'tury na modernizatsiiu Rossii: doklad k XV aprel'skoi Mezhdunar. konf. po problemam razvitiia ekonomiki i obshchestva. 1-4 apreliia 2014 g. [The Influence of Culture on the Modernization of Russia: Report to the XV April Conference on the Problems of Development of Economy and Society. 1-4 of April 2014]*. Moscow, Izd. dom NIU HSE, 2014.
17. Alesina A., Giuliano P. Culture and Institutions. *Journal of Economic Literature*, 2015, Dec., pp. 898-944.
18. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA, Sage Publications, 1980.
19. Hofstede G. *Cultures and Organizations: Software of the Mind, Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival*. Maidenhead, McGraw-Hill, 1991.
20. Lewis R. D. *When Cultures Collide. Leading Across Cultures*. Boston-L., Nicholas Brealy Intern., 2012.
21. Nooteboom B. *Trust: Forms, Foundations, Functions, Failures and Figures*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2002.
22. Tabellini G. Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe. *Journal of the European Economic Association*, 2010, June, pp. 677-716.
23. Trompenaars F., Hampden-Turner C. *Riding the Waves of Culture. Understanding Diversity in Global Business*. 3rd ed. Boston-L., Nicholas Brealey Publishing, 2012.